

Русский кочевник

АЛЕКСАНДР ДУГИН В ПРЕДДВЕРИИ НОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЕРЕРОЖДЕНИЯ

Пожалуй, сейчас сложно найти более популярного в России философа, чем Александр Гельевич Дугин. Его статьи и интервью активно публикуются различными средствами массовой информации. Его комментарии регулярно появляются при рассмотрении самых разнообразных проблем общественно-политической жизни. Он – постоянный гость на круглых столах, форумах и иных массовых мероприятиях.

Еще 10–15 лет назад это был маргинальный политический деятель, интересный лишь довольно узкому кругу радикальной оппозиции. Но уже тогда Дугин смог заявить о себе как о весьма значительном политическом мыслителе и теоретике. Он приложил немалые усилия по формированию в российской политической среде целого ряда смыслов и новых идей, которые до Дугина либо не существовали вовсе, либо были уделом узкого круга специалистов.

Дугин впервые после марксистов принес в русскую политику элементы философии. Политическое движение без философской основы выглядит теперь, благодаря его усилиям, слишком примитивно. Он фактически создал русскую школу геополитики, в условиях, когда на протяжении десятилетий эта наука игнорировалась в Советском Союзе. Он много сделал и для современной политологии, хотя конспирологические сюжеты в ней – это тоже его заслуга. В общем, вряд ли кто-то из современных политических деятелей в России вызывает столь неоднозначную реакцию у самых разных людей, от собственных учеников до бывших партийных соратников.

Фигура Дугина привлекает устойчивое внимание и на Западе. Статьи о Дугине появляются в последние годы с завидной регулярностью в самых различных западных изданиях: как сугубо научных*, так и откровенно политических**. С публикацией 800-страничной диссертации Александра М. Хёлльверта об «евразийской империи Дугина» интерес к этой фигуре вышел на новый уровень***. «Неофашист», «неорасист», «агент КГБ» – таким предстает Дугин в западных СМИ. Дело даже не в том, что идеология Дугина заключает в себе «революционно-ультранационалистическое зерно», а в том, что он обладает исключительным влиянием на умы российского общества, и в первую очередь на представителей политического истеблишмента. Подобное сочетание несет, по выражению Андреаса Умланда, угрозу «международной безопасности» со стороны России.

Артикуляции такого образа Дугина у западных интеллектуалов способствуют скандальные истории, связанные с его именем. После двукратной депортации Дугина с Украины в 2007 году и акции «Евразийского сою-

* The Eurasian Politican. 2001. № 4; Contemporary Review. 2001. Vol. № 1626; Communist and Post-Communist Studies. 2007. Vol. 40.

** The Wall Street Journal. 03.11.2005; Le Monde. 02.12.2007; Res publica. 31.01.2008; Washington ProFile. 23.01.2008; The Globe And Mail. 24.03.2008.

*** Хёлльверт А. Сакральная евразийская империя Александра Дугина. Дискурсивный анализ постсоветского русского правого экстремизма. Штутгарт, 2007.

за молодежи» на Говерле в октябре того же года актуализация темы интеллектуальной сети, сформировавшейся вокруг философа, вылилась в несколько работ, посвященных Дугину*.

Какова сеть Дугина, ее интеллектуальные и иные возможности? Какой реальной силой и ресурсами для влияния обладает сам Дугин? Очевидно, что тема феномена Дугина, его роли в формировании интеллектуальной среды современной России заслуживает пристального внимания.

Дугин, совершивший сложный политический путь от идеолога оппозиции до сторонника курса президента Владимира Путина, ныне обращает к власти поток критики. По мнению Дугина, Путин виноват в том, что за время своего правления не смог «сформировать политической философии», а Дмитрий Медведев как продолжатель политики Путина ведет Россию в мир без будущего. Конечно, нынешние критические стрелы Дугина в адрес власти можно объяснить и тем, что она не привлекла к себе «лояльного философа». Но проблема глубже. За критикой в адрес Кремля – разочарование в современной политической и властной элите. Разочарование в Путине, который, как заявил один из сторонников Дугина, ответственен за то, что не стал диктатором. Эта позиция возвращает главу евразийцев к положению оппозиционного интеллектуального лидера, с которой он когда-то стартовал.

Был ли Дугин оккультистом?

Дугин стал заметен в интеллектуальной среде России в конце 1980-х годов, когда консервативная почвенническая патриотическая интеллигенция испытывала серьезный идеологический дефицит. В тот период всеобщего торжества либерализма Дугин отважился выступить с откровенно националистических позиций – как философ, относящий себя к правому крылу интеллектуалов.

На излете существования СССР национал-консерваторы, с одной стороны, были вынуждены объединяться с «охранительной» фрак-

цией Коммунистической партии, а с другой стороны – пытаться воссоздать массовые, народно ориентированные правые движения, существовавшие в России в 10-е годы XX века. В первом случае, однако, национализм и консерватизм стали ассоциироваться с «проклятым» коммунистическим прошлым. Деятельность во втором направлении привела к появлению неизвестного Национал-патриотического фронта «Память», которому удалось на какое-то время добиться немалой популярности.

Пройти мимо первой массовой националистической организации Дугин, конечно, не мог. В 1988–1989 годах он вступает в «Память», вскоре поднявшись в политической иерархии до члена центрального совета. Впрочем, уже в 1989 году он был исключен. У этого события существует не одно объяснение. Как сообщил нам тогдашний сподвижник Дугина Гейдар Джемаль, «главная причина исключения Дугина и меня состояла в опасении Дмитрия Дмитриевича Васильева (лидер национально-патриотического фронта «Память» с 1985 года – тогда это был еще литературный кружок – скончался в 2003-м году – прим. ред.), что мы переведем руководство “Памятью” на себя». Однако версия о том, что совсем еще молодой Дугин, пускай и при поддержке Джемалья, мог захватить руководство в «Памяти», вызывает определенные сомнения. Сегодняшний сподвижник Дугина Валерий Коровин утверждает, что Дугин был исключен за критику антисемитизма, который составлял важнейшее кредо лидеров этой организации. Сами лидеры «Памяти» в свое время объявили, что Дугин и Джемаль были исключены из организации за оккультно-сатанистские увлечения и нелояльность существующему строю.

Вторая причина исключения, по версии «Памяти», в пояснениях не нуждается, но на оккультно-сатанистских пристрастиях Дугина следует остановиться особо. В 1983 году Дугин через Джемалья знакомится с Евгением Головиным, родоначальником школы тради-

* Умланд А. Постсоветские правозащитные контр-элиты и их влияние в современной России (на примере восхождения Александра Дугина) // Неприкосновенный запас. 2008. № 1; Умланд А. Патологические тенденции в русском «неоевразийстве» // Вопросы философии. 2008. № 3.

За критикой Дугина в адрес Кремля – разочарование в современной политической и властной элите

ционализма в России. Идеиные истоки мировоззрения самого Головина связаны с европейскими правыми эзотериками, под влиянием которых Головин увлекся мистикой, алхимией и стал презирать демократическую западную цивилизацию. Иными словами, обвинения руководителей «Памяти» Дугина в оккультизме имели под собой некоторые основания. Правда, правые эзотерики никогда не именовали себя оккультистами и мистиками, относя эти определения к спиритуалистическим течениям XX столетия с буддийским уклоном типа антропософии или теософии. Так, по словам Гейдара Джемаля, мировоззрение Головина «нельзя назвать мистическим, поскольку алхимия, адептом которой он себя считает, никак не относится к мистицизму, это определенная форма традиционалистского знания, своего рода научный дискурс. Головина отличает глубокое знание европейского эзотеризма, той линии, которая развивалась в Европе, начиная с эпохи Возрождения: вместе с Парацельсом, Марсилио Фичино, Пико делла Мирандола».

Амвросий фон Сиверс (ныне глава русской Катакомбной Церкви истинных православных христиан, а в 1980-е годы близкий к подпольным антисоветским кругам) писал про свои встречи с Дугиным: «В конце 1980-х годов Дугин появился в сопровождении Джемаля на квартире Зелинских и вел себя прескверно», провозглашая «необходимость “соляной инициации”».

Гейдар Джемаль в разговоре с нами опроверг утверждения Сиверса: «У Зелинских была не квартира, а музей академика Зелинского, сын которого был хранителем музея. Приезжали самые разнообразные персонажи, от католических прелатов, православных священников и иностранных дипломатов до вдовы Даниила Андреева, автора “Розы мира”. Были там и люди высшего советского академического истеблишмента, например Капица. Эти встречи выглядели так: светский накрытый стол, сам Зелинский играл при свечах на фортепиано

романсы, “Гори, гори, моя звезда”, были самые высокочувствительные обсуждения интеллектуальных тем. Зелинский – это профессор старой формации, который максимум, что мог себе позволить, это сесть за фортепиано и спеть белогвардейский романс. Не более того».

В начале 1990-х, по некоторым сведениям, эзотерические увлечения Дугина привели его к встрече с Кристианом Буше, издателем журнала «Вулюар» (Vouloir) и главой французского отделения влиятельной организации «Орден Восточных Тамплиеров», являющейся частью «Великого Востока Франции». В это же время отмечается увлечение Дугина работами Алистера Кроули, бывшего с 1922 года великим магистром этого ордена, имя которого тесно связано с магией, оккультизмом, телемизмом, проповедью раскрепощения сексуальности и отрицания христианства.

С ростом популярности в 1990-е годы Дугин меняет имидж, становясь из практиканта мистической эзотерики ее исследователем.

Именно Дугиным были введены в обиход российского читателя книги Рене Генона, Юлиуса Эволы, Карла Шмитта, Эрнста Юнгера и многих других ультраправых мыслителей Запада. Он работает в секретных архивах, где якобы находит материалы, связанные с деятельностью оккультных структур времен Третьего рейха в Германии, прежде всего «Аненербе» (Ahnenerbe – «Немецкое общество по изучению древней германской истории и наследия предков»). Выходят первые работы Дугина «Пути абсолюта», «Конспирология», «Гиперборейская теория», «Консервативная революция».

Дугин оказался первым, кто нашел выход из тупика идеологической архаики, в котором оказались «старые правые», сформировавшиеся в советскую эпоху. Он сумел синтезировать новую консервативно-националистическую идеологию на основании прежде всего идей консервативной революции с конспирологией – теорией тайного заговора как двигателя исторического процесса, а также геополитикой в ее столь же конспирологиче-

ской переинтерпретации как борьбы континентальных, евразийских сил против атлантизма – весьма сильным эзотерическим, квазирелигиозным элементом.

Столь оригинальная идеология сразу обратила на себя внимание. Первые статьи Дугина, публиковавшиеся в оппозиционной газете «День» у Александра Проханова, произвели, во всяком случае на сознание правоориентированного читателя, эффект разорвавшейся бомбы. У правых в России открылось второе дыхание.

На протяжении первой половины 90-х годов идеология Дугина приобретала все большее влияние на умы правых в России. Круг молодых гуманитариев, складывающийся близ Дугина, начал увеличиваться в числе и набирать пока еще не политический, но интеллектуальный вес. Для закрепления успеха на идейном фронте Дугин выпускает несколько номеров традиционалистского альманаха «Милый ангел», журнал «Элементы», создает ассоциацию «Арктогея» – первую собственную политическую структуру.

НБП – слияние трех лун

В 1993 году начинается новый этап в карьере философа – совместно с писателем Эдуардом Лимоновым он создает Национал-большевистский фронт, который к осени того же года был преобразован в Национал-большевистскую партию (НБП). Это решение вывело Дугина на принципиально новый уровень: вместо кабинетного деятеля он стал политическим лидером.

Но и тут стоит отметить определенные детали, которые способны многое рассказать о

появлении национал-большевиков. Так, к Дугину, который ранее был заподозрен в оккультизме и разного рода эротических экспериментах, присоединяется Эдуард Лимонов, человек со специфическими для литературной богемы сексуальными интересами, однако абсолютно равнодушный ко всякой эзотерике. В то же время в состав Национал-большевистского фронта входит национал-социалистический Фронт национально-революционного действия. Его лидеры Алексей Широпаев и Илья Лазаренко никогда не скрывали своих оккультных интересов. Выводы из такого сочетания фактов каждый может сделать сам.

НБП принадлежит авторство в создании нового стиля российской политической организации. В отличие от предшествующих организаций, строившихся по модели, близкой к КПСС, Дугин и Лимонов взяли за образец германскую НСДАП. Эстетизация политики и идеологии, о которой писали Йоахим Фест и Армин Мелер, позволяла создать облик политической партии, которая не просто «делает революцию», но делает это эстетически привлекательно, захватывающе. Марши штурмовиков во время партийных собраний, нарочитый эпатаж обывателей, сознательный отход от архаики в сторону революционного футуризма – все эти черты, совмещенные с подчеркнутой антилиберальностью и лозунговым национализмом, сделали НБП весьма заметным явлением на политической сцене России середины 1990-х годов.

В развитие яркого революционного стиля создается социально-музыкальная группировка «Русский прорыв», куда вошли такие крупнейшие деятели андеграунда, как Егор

Первые статьи Дугина в газете «День» произвели эффект разорвавшейся бомбы

Летов, Роман Неумоев, Сергей Жариков, Сергей Курехин и другие. Летов, который из анархиста и антикоммуниста стал националистом, привлек на сторону национал-большевиков большое количество молодежи, недовольной своим положением в новой либеральной России. Бывшим музыкантом Жариковым издавались радикальные журналы «Атака» и «К топору». Выступления панковских рок-групп «Гражданская оборона» и «Инструкция по выживанию», деятельность журнала «Русский рок» и другие культурно-политические инициативы оказали немалое воздействие на молодежную среду России 1990-х.

Национал-большевистскому периоду в жизни Дугина оказались созвучны идеи европейских «новых правых». С ними, в частности с французским философом Аленом де Бенуа, Дугин установил связи еще в конце 1980-х. Лозунг «новых правых» – «лучше носить кокарду с красной звездой, чем американское кепи» – оказался весьма полезным для философа-политика. С середины 1990-х годов Дугин и его сторонники завязывают контакты с ассоциацией «Европейские синергии», находящейся под влиянием «новых правых». Летом 1997 года Жариков организует московское отделение «Европейских синергий». Интересно, что «Европейская синергия» включала в свой состав множество организаций, имеющих весьма сильную оккультную подоплеку, – различные этнические группы типа «нью-эйдж», неоязычников, движения изучения рун, кельтского прошлого Европы и многое другое, в том числе политический ислам.

Жан Парвулеско – человек-фантом

В числе идеологов «новых правых», которые активно продвигались Дугиным, надо назвать и французского писателя Жана Парвулеско. Историю этого человека, похоже, более известного в России,

чем в Европе, некоторые считают одной из самых причудливых философских мистификаций XX века. По словам Дугина, первые конспирологические сочинения которого представляли пересказ соответствующих работ Парвулеско, именно этот человек, родившийся в Румынии в 1929 году, был литературным секретарем Эзры Паунда и доверенным лицом президента де Голля, среди десяти его жен были представительницы виднейших королевских династий, а одна из десяти(!) его дочерей – замужем за представителем императорского дома Японии. На полной достоверности этих сведений не настаивает, впрочем, и сам Дугин.

Между тем напрашивается предположение, что реально существующий человек, запечатленный на снимках, в том числе в компании с Александром Гельевичем, третьестепенный французский беллетрист, позаимствовал фамилию Парвулеско от персонажа снятого в 1959 году фильма Жана-Люка Годара «На последнем дыхании».

Парвулеско, роль которого исполняет известный французский комик Жан-Пьер Мельвиль, изображен в этой картине маститым и широко известным писателем. Имеется свидетельство самого Годара о том, что фамилию Парвулеско он заимствовал у своего знакомого по Сорбонской школе кинематографии (кстати, некий Жан Парвулеско, не исключено, что как раз тот самый знакомый Годара, исполнил роль Жана Вальтера в фильме Эрика Ромера «Деревья, мэри и посредник» (1993)). Очевидно, что исходящая от самого Дугина версия о том, что Годар изобразил в своей кинокартине «живую тайну европейской литературы», не выдерживает критики: Парвулеско выпускает в свет серию романов только с середины 80-х годов, никаким писателем, тем более знаменитым, в 1959 году он не являлся.

Существует гипотеза, что к появлению романов Парвулеско приложил руку один из членов «Южинского кружка» Юрий Мамлеев, который в 1983 году как раз переехал в Париж из США. Однако, по мнению Джемала, ко-

торый читал произведения Парвулеско в подлиннике, спутать стиль обоих писателей невозможно. Парвулеско стал как бы европейским ретранслятором идей Дугина для того, чтобы завершить свой послужной список выходом в 2006 году в России книги «Путин и евразийская империя».

Владимир Карпец, близкий к Дугину писатель и публицист правой ориентации, переводчик Парвулеско, прокомментировал

Александр Дугин и таинственный Жан Парвулеско

вопрос о реальности этого человека следующим образом: «О Парвулеско я услышал существенно раньше, чем познакомился с Дугиным. Лично с Парвулеско я не виделся. Идею перевода книги Парвулеско “Путин и евразийская империя” на русский язык мне предложил Дугин, которому Парвулеско прислал рукопись. Перевод был сделан при содействии Международного евразийского движения».

Интересно то, что другие выходцы из дугинского круга не уверены в том, что представляет собой загадочный Парвулеско. Например, по мнению Аркадия Малера, «скорее всего, такой человек существует, но я не исключаю, что половину того, что выходит под именем Парвулеско, написал сам Дугин. Это

конспирологический писатель, каких довольно много. Парвулеско стал известным в России как фигура, приватизированная Дугиным. Поэтому многие считают, что Парвулеско и есть Дугин». Так через посредничество Дугина карнавализм постмодерна пришел в современную российскую политику.

Как Дугин вошел в истеблишмент

Одной из первых попыток Дугина войти в большую политику стали выборы в депутаты Государственной Думы в 1993 году, которые он с треском провалил – всего 0,87 процента поданных голосов. НБП «не оправдала надежд». Внутри партии наметился рост противоречий между харизматическим лидером Лимоновым и идеологом партии Дугиным. Дугин не хотел мириться с игрой на вторых ролях. Дало о себе знать и расхождение двух лидеров в видении политической карьеры: революционное лимоновское и умеренное дугинское. Дугин стремился к созданию движения, сочетавшего художественный перформанс с философско-религиозными исканиями и способного если не захватить власть, то добиться на нее влияния.

Выводы были сделаны – Дугин отошел от эпатажной НБП (которая завершила свою эволюцию вхождением в оппозиционный блок «Другая Россия») и стал создавать себе более консервативный и респектабельный имидж. Он объявляет о присоединении к старообрядческой конфессии как наиболее консервативной среди православных церквей, становится советником Председателя Государственной Думы Геннадия Селезнева, участвует в ориентированном на Селезнева движении «Россия». Он входит в контакт с академической средой, с определенными исламскими и иудаистскими кругами, которые согласно его доктрине являются носителями традиционалистских идей. Укрепляются связи Дугина в военных сферах.

Завершается процесс идейной эволюции Дугина созданием в 2001 году Общероссийского политического общественного движения «Евразия». Цель, которую Дугин преследовал все 1990-е годы – стать самостоятельным политическим лидером, таким образом была дос-

Через посредничество Дугина карнавализм постмодерна пришел в современную российскую политику

тигнута. Евразийство, геополитика, клерикализм оказались вполне уместными и востребованными частью позднеельцинской политической элиты. Так Дугин перестал быть революционером и стал реакционером.

Ученики без учителя

Подобные идеологические метаморфозы подразумевали и расставание Дугина с бывшими сторонниками. Это коснулось не только НБП, но и возможных сподвижников Дугина из числа националистических правых радикалов. Радикальный национализм был не только чужд Дугину, но и мешал созданию имиджа уважаемого мыслителя и политического деятеля. К примеру, он разошелся с Сергеем Жариковым, который уже в 90-е годы выступил с расистской, прозападной, антиклерикальной доктриной. Сам Жариков отошел от деятельности «Европейской синергии», в которой с 1999 года возобладала настроенная в поддержку евразийского мультинационализма.

На отношениях Дугина с учениками сказались и его бескомпромиссность, нетерпимость к иному мнению, неспособность к самокритике. В итоге от Дугина постепенно отошли все его бывшие сторонники, имеющие хоть какой-то интеллектуальный вес. А ведь еще недавно, в 1990-е годы в «интеллектуальный круг» Дугина входили такие разнополярные люди, как православный философ, лидер «Византийского клуба» Аркадий Малер, петрозаводский мыслитель Вадим Штепа, ставший адептом регионализации России, интернет-публицист, главный редактор оппозиционного сайта «На злобу» Владимир Голышев и многие другие. Сегодня их отношения с прежним лидером разнятся от полного неприятия до мягкого несогласия. Так, Малер называет свою позицию «неоконсервативной», ссылаясь, в частности, на американского философа Лео Штрауса. «Во-первых, я клерикал, – заявляет Малер. Во-вторых, я – византист, то есть сторонник

наследования современной Россией миссии православной империи. В-третьих, я – неоконсерватор. Я не являюсь сторонником возрождения монархии, философии славянофилов и консерваторов XIX – начала XX веков». Журналист и политтехнолог Голышев, разочаровавшийся в учителе еще ранее Малера, в 2005 году перешел на позиции радикальной национал-демократии, подразумевая под этим сочетание этнического национализма, антиклерикализма и либертарианства.

Дугин не слишком расстраивался по поводу потерь в своем стане. О Штепе он высказался следующим образом: «Штепа – просто queer, «цой и тальков» (намекая на статью Штепы в одном из номеров «Элементов»: «Цой и Тальков – свидетели конца»). Seriously воспринимать его странно, а вокруг него совсем второсортная провинциальная урла». Сам же Штепа высказывается о Дугине не без доли уважения: «Определенный период сотрудничества с Дугиным был полезен для всех его учеников и соратников. И здесь важна даже не столько личность Дугина, сколько то интеллектуальное пространство, которое он открывал в 90-е годы, в первую очередь идеи традиционализма, «новых правых» и т. д. Но после ознакомления через Дугина с этими идеями ряду людей, в том числе и мне, показалось более интересным работать с идейным пространством Европы непосредственно, а не через интерпретацию Дугина».

Из правых и отчасти левых интеллектуалов, кому сейчас около тридцати, нет, пожалуй, ни одного, кто не пребывал бы под воздействием идей Дугина хотя бы непродолжительное время. Пусть заслуга Дугина в значительной мере была заслугой первооткрывателя, который дал русскому читателю все богатства правой и консервативной мысли Запада, недооценивать его роль в формировании интеллектуальной среды невозможно.

Сам философ постепенно приступил к ревизии собственного идейного наследия. Так, им стала пропагандироваться контринициация, явно противоречащая традиционализму, а пози-

Движение «Евразия» не смогло стать массовой партией и осталось интеллектуальным клубом

ция «новых правых» была истолкована в чрезмерно левом ключе. Вместе с этим все большую роль в построениях Дугина стало играть евразийство с ориентацией на синтез Запада – Руси и исламского Востока.

Дугин и власть

После создания движения «Евразия» Дугин рассчитывал на быстрый рост своего политического влияния в том числе и потому, что власть в тот период – начало 00-х – была лишена интеллектуальной поддержки, тогда как он готов был ее предоставить. Дугин не только одобрял инициативы президента Путина, но и пытался в рамках евразийской идеологии сформулировать предложения, которые работали бы на президента России. По мнению Дугина, было необходимо выстраивать систему глобального противостояния США как естественного геополитического противника России, блокироваться с европейскими странами и поддерживать антиамериканское движение в Европе, попытаться создать блок из азиатских стран, нацеленный на противодействие американскому глобализму. Одним из наиболее ценных союзников России Дугин называл Иран, планируя выстроить новую ось Москва-Тегеран.

Очевидно, однако, что Правительство РФ не воспользовалось дугинскими идеями для выстраивания нового мирового порядка. В результате Дугин занял на политической сцене позицию, которую можно охарактеризовать как «интеллектуальный Жириновский». В лице философа-евразийца власти страны получили удобное средство озвучивания спорных и дискуссионных вопросов для проверки реакции на них общественного мнения в России и за рубежом.

Само движение «Евразия», несмотря на крупную финансовую поддержку и вхождение в него многих заметных фигур типа те-

леведущего Михаила Леонтьева, не смогло стать массовой партией и осталось интеллектуальным клубом. Отсутствие качеств харизматического народного вождя не позволило Дугину выйти за пределы своей научной школы. Кроме того, нетерпимость лидера евразийцев к чужому мнению приводила к тому, что из структур, в которых Дугин выступал в качестве лидера, постепенно вытеснялись все более-менее существенные фигуры, способные составить ему конкуренцию. Слабость и маргинальность «Евразии» на политической сцене подтверждает ее неучастие в выборах.

Естественно, эта слабость была замечена лидером евразийцев. В 2005 году им была предпринята очередная попытка «выйти к массам», воплотившаяся в «Евразийском союзе молодежи» (ЕСМ).

Дугин стремился продемонстрировать власти наличие у евразийцев собственных «боевых дружин» и их готовность задавить «оранжевую революцию» в России, буде она случится. Столь узко ориентированное движение в итоге превратилось в источник периодических политических уличных перформансов, прославившись шокирующими действиями наподобие учреждения опричнины и эпатажирующих лозунгов в духе фразы «наш сапог свят». Попытка воссоздать стиль ранней НБП могла бы считаться удачной, если бы не слишком малое влияние ЕСМ в молодежной среде на фоне «Наших», «Молодой гвардии» и других.

Возглавит ли Дугин новую оппозицию?

Весьма оригинальная политическая позиция философа в последние годы говорит о том, что в ближайшем будущем от лидера евразийцев можно ожидать попыток проделать обратную идейную эволюцию. Дугин может вполне попы-

таться вернуть облик того человека, которого помнят ветераны правой оппозиции 1990-х. Идеология консервативной революции, от которой Дугин официально никогда не отрекался, допускает весьма разнообразные пути достижения цели и не исключает широчайшего маневрирования по лево-правому партийно-политическому спектру.

Вместе с тем близкие сегодняшнему Дугину люди типа писателя Карпеца сомневаются в возможности для лидера евразийцев вновь подружиться с оппозиционным Лимоновым, поскольку последний «слишком запялнул себя связями с антирусскими лондонскими кругами». «Если и возникнет оппозиция, – считает Карпец, – она будет совершенно иная, чем в 1990-е». Лидер ЕСМ и нынешний соратник Александра Дугина Валерий Коровин полагает, что в отличие от Лимонова для Дугина «оппозиция возможна только в случае перехода элиты на проамериканские позиции». Однако давно разошедшийся с евразийцами Аркадий Малер не исключает «возвращения Дугина к Лимонову». Оба этих

деятели, по мнению Малера, «хаоты»: «Они очень не любят стабильность и буржуазность. А Медведев выстраивает буржуазное стабильное государство, в котором не будет места ни лимонщине, ни дугинщине как идеологическим нишам».

Дугин мог бы оказаться весьма полезным оппозиции в тот момент, когда ею предпринимаются попытки совершить подкуп под власть с помощью в том числе синтеза этнического национализма с ультралиберализмом. Идеи раннего Дугина вполне могут прийти к

двору хотя бы в качестве недостающего этим радикальным оппозиционным течениям позиции синтезирующего их центра. Ведь наблюдали же мы идеологическое преобразование одного из самых заметных крайне правых оппозиционеров 1990-х Алексея Широпаева, который из поклонника Сталина превратился в анархо-националиста прозападной ориентации.

Не случайно в последние два года наблюдается подъем интереса к еще одному идеологу ультралиберального этнонационализма Петру Хомякову. Пытаются заигрывать с этими идеями и даже явные либералы наподобие Гарри Каспарова и Владимира Буковского.

Но остается открытым вопрос – простят ли националисты различных направлений Дугину его активный лоялизм последнего десятилетия? Дугина сегодня не приемлют ни консерваторы классического направления, ни национал-социалисты, ни православные реакционеры.

Однако «новая волна националистов», сформировавшаяся в послед-

ние годы за счет перебежчиков как из либерального лагеря, так и из числа традиционных националистов, может положительно воспринять игру столь крупной фигуры, как Дугин, на их стороне. Эти люди, известные своей беспринципностью и склонностью к внешней эффектности, вполне могут принять помощь от одного из наиболее известных отечественных философов-политиков.

Ведь несмотря на многочисленные усилия, правая среда в России до сих пор не породила более значимого мыслителя и идеолога, чем Александр Дугин.

